

А. И. Яковлев¹

ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАН ВОСТОКА В «ЭПОХУ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН» В XXI ВЕКЕ (На примере Саудовской Аравии)

В первые десятилетия XXI века стало очевидно, что мировая система переживает эпоху перехода в новое состояние, качество. Показатели нового качества видны прежде всего в материальной сфере, однако сильнее всего они проявляются в новой виртуальной сфере. Меньшее внимание привлекают сфера духовной жизни, внутренний мир людей и общества, в котором также с естественной неизбежностью проявляются явления переходности.

Ценности — это опорные точки в деятельности и мировосприятии человека, самоидентификации человека и общества в конкретном пространстве и времени. Они всегда имеют человеческое измерение и не существуют безотносительно человеческого общества, образуя в пространственном измерении определенную взаимосвязанную систему².

Ценности имеют и временное измерение, системы ценностей менялись в отдельные исторические эпохи. Так, в Новое время, в период реализации «проекта Просвещения», в эпоху модерна в странах Запада, составлявших авангард мирового развития, происходили необратимое размывание традиционной (христиан-

ской) системы ценностей и вытеснение ее ценностями капиталистического модерна.

Великая французская революция 1789 года превратилась в учредительный символ Нового времени. Она (в сочетании с Американской революцией 1786 г.) означала не только разрыв с предыдущей эпохой и ее системой ценностей, но и возникновение целостного концепта политической культуры и политической системы, создав институциональные рамки для новой системы ценностей, идей и идеалов, норм морали и поведения на будущее.

Конечно, *старый порядок* не был пассивен перед таким напором, он сопротивлялся. В начале XIX века в Европе, оказавшейся в авангарде мирового развития, усилились неприятие рационализма и прагматизм, в религиозной жизни нарастали настроения мистицизма и пиеизма. В социально-экономической жизни *культура обладания* (наживы и прибыли) еще уступает культуре общественной пользы, опирающейся на систему христианских ценностей. В живописи и литературе главенствует течение романтизма, в основе которого — возвышенные идеалы.

Но как бы то ни было, в XIX–XX веках в странах Запада начинается и завершается переход от традиционной *вертикальной системы ценностей*, ориентированной на высшую абсолютную ценность — Бога, к *горизонтальной системе ценностей*, в которой нет иерархии, и духовные ценности там уравниваются с профанными. Системы ценностей служат нормативами и регуляторами общественной жизни, политики, власти и деятельности отдельной личности, а также основанием правовых норм, морали и нравственности общества³. Поскольку западная модель индустриального общества обрела качества нормативной для всех незападных стран, новая система ценностей ста-

¹ Главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 200 публикаций, в т. ч. монографий: «Саудовская Аравия и Запад», «Фейсал — король-реформатор», «Саудовская Аравия: пути развития», «Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного», «Общество и технологии в XXI веке: прогнозы и управление развитием в странах Востока и Запада» (в соавт.); учебника «Лекции по истории христианской церкви» и др.; статей в научных журналах: «Региональные аспекты мирового кризиса: смена модели развития в странах Арабского Востока», «Страны Востока в начале XXI века: от догоняющей модернизации к модернизации развития», «Культура современного Востока: синтез традиционного и современного» и др.

² См.: Яковлев А. И. Ценностные ориентации планов социально-экономического развития нефтяных монархий Аравии в XXI в. // Религия и общество на Востоке. 2022. Вып. VI. С. 22–31.

³ Яковлев А. И. Указ. соч.

ла претендовать на нормативность, вытесняя присущую традиционным обществам вертикальную систему ценностей.

Сегодня, в эпоху формационного перехода, в отношениях между государствами и группами государств на первый план вышли, наряду с привычными политическими и экономическими противоречиями, ценностные, которые принимают оболочку то религиозных, то цивилизационно-культурных, то национальных противоречий, что отмечал в конце XX века С. Хантингтон. Однако, по существу, все сводится к тому, что люди и общества руководствуются разными идеями и идеалами при принятии решений и в своей деятельности, хотя имеют сходные цели¹.

Деятельность людей определялась во многом той системой ценностей, которая устанавливалась в определенную эпоху (историческую формацию) в конкретной общности людей, которую можно определить как цивилизацию. Каждой цивилизации присуща определенная религиозная система, однако религия, являясь «стержнем» цивилизации, все же неполностью определяет ее качества и свойства. Религия тесно связана с «корневыми» ценностями цивилизации, и верность религиозным основам в дальнейшем влияет на степень верности общества системе традиционных ценностей.

В другом — материальном — измерении точно так же каждой новой формации были присущи не только особенные материальные параметры и характеристики, но и свой вариант системы ценностей, определяемый новыми условиями экономической и социальной жизни людей.

В то же время в любую эпоху принятие или непринятие определенных систем ценностей позволяло определить идентичность и самоидентичность личности и общества.

В то же время на рубеже XX–XXI веков различные уровни системы ценностей меняются в разной степени, происходит фрагментация внутри каждого уровня. Низший — социальный — уровень ценностей в наибольшей мере подвержен воздействию социально-экономических перемен; они определяют нормы поведения. Средний уровень, включающий ценности социально-политические и эстетические, в целом соответствует нормам господствующего общественного строя (формации), включая и предшествующие нормы; этот уровень определяет идеи и идеалы деятельности человека. Высший — метафизический (цивилизационный, корневой) — уровень, выражающий духовную жизнь людей и общества в целом, также лишается былой целостности, содержит фрагменты как традиции (религиозной и этической), так и возникших релятивизма, атеизма и язычества². Им руководствуются при определении смысла жизни или когда не задаются такой практической проблемой. Показательна широко распространенная тенденция ухода от реального знания жизни и прошлого, в перспективе ведущая к распаду связей и самого человеческого общества.

¹ Яковлев А. И. Указ. соч.

² См.: Яковлев А. И. Ценности и ценностные ориентиры на фоне смены эпох // Религия и общество на Востоке. 2022. № 6. С. 21–48.

В ходе регулируемого властью процесса модернизации на протяжении 1970–2020-х годов происходило взаимодействие арабских обществ и Запада, вызвавшее к жизни изменения в системах ценностей нефтяных монархий Аравии, включая Саудовскую Аравию.

Эти изменения в общественной жизни можно обобщить в трех типах:

— отторжение западных (христианских, буржуазных, либеральных) ценностей, норм поведения и морали, определяемое европейцами как традиционализм или фундаментализм;

— принятие западных ценностей (буржуазных и либеральных) за счет умаления собственной ценностной системы, что вполне совпадает с представлением европейцев о неизбежности торжества их либеральной культуры;

— сочетание элементов западных и собственных ценностей (социально-экономических и политических), что в понимании европейцев получило наименование мультикультурализма.

Важность ценностной ориентации пятилетних планов социально-экономического развития долгое время не осознавалась правителями нефтяных монархий. Они не без оснований полагали, что даже при кардинальных изменениях условий экономической и социальной жизни по западной модели могучая инерция человеческого сознания сохранит вековую традицию, включающую традиционную систему религиозных, племенных и социально-бытовых ценностей. Так, в принятых в 1970-е годы пятилетних планах социально-экономического развития Саудовской Аравии очевидным оставалось подчеркнуто уважительное отношение власти к традиционным ценностям³.

Стоит отметить, что такое отношение не ново для Аравии. Саудовский король-реформатор Фейсал в принятой в 1962 году в программе модернизации уделил внимание не только коренным реформам в экономической и социальных сферах, но и защите традиционных ценностей⁴.

Так, в п. 1–4 декларируются коренные преобразования в экономической, социальной и даже политической жизни королевства: изменение формы правления, введение конституции и основ представительной власти, реформа местных администраций и судебной власти. В целом это во многом приближало средневековое королевство к нормам жизни середины XX века и соответствовало ценностным канонам западной модели («вестминстерской демократии»).

Однако в п. 5 было заявлено: «Правительство знает свою обязанность по распространению учения ислама и защите его словом и делом», а в п. 6 содержалось обязательство «немедленно принять меры по улучшению условий деятельности обществ охраны веры и нравственности», попросту говоря, религиозной полиции.

Заключительные пункты 7–10 содержали цели экономического и социального развития.

Таким образом, ценностная ориентация «10 пунктов» Фейсала была очевидно традиционалистской.

³ Яковлев А. И. Ценности и ценностные ориентиры...

⁴ Prince Faisal speaks. Kingdom of Saudi Arabia. Ministry of Information. [Б. м.], 1963. P. 6–11.

В те годы сам реформатор и все общество полагали, что возможно простое заимствование западных технических достижений и товаров для того, чтобы в Аравии возникло индустриальное общество. Связь между изменением материальной среды, условий труда и жизни, демонстрационным эффектом Запада и менталитетом человека, его духовным миром всерьез не принималась. Впрочем, «человеческое измерение» развития в те годы всерьез не рассматривалось и на Западе¹.

Наследники Фейсала в пятилетних планах развития проявили себя скорее модернизаторами, нежели традиционалистами, хотя и носили титул Хранителя Двух Святынь, уделяли немалое внимание религиозным проектам. Огромный поток нефтедолларов и возможность закупок любых западных товаров ослепляли. Ценностную ориентацию политики короля Халеда и короля Фахда в 1975–2005 годах можно определить скорее как реформаторскую. Лишь Исламская революция в Иране и захват Большой мечети в Мекке в 1979 году впервые поставили перед властью проблему баланса традиционных и современных ценностей, однако в понимании правителей королевства эта проблема относилась исключительно к политической сфере.

Между тем в условиях ускоренной и коренной социально-экономической модернизации всего общества, сопровождавшейся ошутимой американизацией культурной жизни, саудовское общество переживало сильный культурный шок. Численность населения выросла с 7,01 млн в 1974 году до 15,2 млн человек в 1990-м и 24,2 млн в 2007-м. Население стало преимущественно городским: доля горожан выросла с 9 % в 1950 году до 25 % в 1970-м. Если в 1975 году численность населения столицы Эр-Рияда составляла 667 тыс. жителей, то в 2004-м — 4087,2 тыс. Повысился уровень продолжительности жизни с 53,9 лет в 1970 году до 72,7 лет в 2007-м². Ассигнования на развитие «человеческого фактора» стали крупнейшей статьёй бюджета после расходов на оборону и безопасность. Выросло число школ и высших учебных заведений, в 1957 году в Эр-Рияде был открыт первый университет, а спустя полвека в стране было уже 20 университетов. Десятки тысяч молодых саудовцев получали высшее образование в стране, а тысячи — за рубежом, преимущественно в США. Это новое поколение, дети и внуки бывших кочевников, ремесленников и торговцев, обрело не просто сумму знаний, но и новое представление о мире и своем месте в нем, а возвратившиеся из американских университетов — еще и опыт жизни в условиях уклада жизни и поведения, основанных на иной системе ценностей.

Современная экономика требует современных работников, которые составляют современное общество — а ему требуется современная система коммуникации, обмена и получения информации. Первые радиостанции были созданы в стране властью в 1930-е годы, в 1970-е годы массовое радиовещание вели 18 радиостанций. В 1970 году в стране имелось 77 тыс. радиоприемников, в 1975-м — 255 тыс., то есть примерно 28 приемников на 1 тыс. человек. Первая телевизион-

ная станция была построена американской компанией Agamco в 1957 году, а в 1975-м появились национальные телестанции в столице и еще четырех городах. Конечно, власть принимала меры предосторожности в сфере информации, но лишь относительно политических вопросов.

Политика была на поверхности общественной жизни. Между тем с завершением модернизации по западной модели новые поколения конца XX — первых десятилетий XXI века благодаря образованию, средствам коммуникации и изменившимся в стране нормам труда и жизни обладали иным менталитетом, мировосприятием и мировоззрением. Оказавшись перед выбором одного из трех типов взаимодействия систем ценностей, они принимали разные решения.

Фактическое противостояние двух систем ценностей — традиционной отечественной и современной западной — в условиях модернизированного общества вело к умалению традиции. Завершение периода коренных реформ привело к переосмыслению всего существующего набора ценностей, как традиционных идей и идеалов, так и заимствованных западных конструктов, которыми руководствовались саудовское общество. Случайно это совпало с войной в Афганистане в 1979–1989 годах, в ходе которой США и Пакистан намеренно обострили религиозную составляющую конфликта. США, исходя из собственных геополитических интересов, сознательно сыграли на прочной верности мусульманских стран, прежде всего Королевства Саудовская Аравия, традиции, не принимая ее всерьез и полагая, что и модернизированные саудовцы, как и американцы, относятся к традиции как к архаичному атрибуту древности. Оказалось — иначе.

Произшел раскол внутри саудовского общества, подогреваемый недолгим присутствием в 1991 году десятков тысяч американских войск на «святой земле ислама». Официальный истеблишмент клялся — возможно, искренне — в дружбе с США, но неофициально часть саудовской элиты начала оказывать финансовую поддержку мусульманским фундаменталистам, защитникам традиционных ценностей, в Хорватии, Чечне и Сирии. Тысячи молодых саудовцев выступили там пассивно и активно в поддержку борьбы «братьев по вере». Само по себе участие 15 саудовцев в событиях 11 сентября 2001 года — в ударе по символам ценностей Запада и современности — стало ярким примером неожиданных плодов модернизации. Смены привычной системы идей и идеалов на заимствованные неопределенные умонастроения по модели Ф. Фукуямы («конец истории») не случилось.

Дихотомия реформ, неизбежно включающих соперничающие друг с другом преобразования по западной модели современного общества и сохранение традиционных (религиозных, племенных, национальных) основ саудовского общества, привела к причудливому симбиозу двух названных начал. Их должен был учитывать наследник саудовского престола эмир Мухаммед ибн Салман, предлагая обществу свой план преобразований «Видение-2030». Этот план выходит за формальные рамки пятилетних планов социально-экономического развития.

¹ Яковлев А. И. Ценности и ценностные ориентиры...

² Saudi Arabian Monetary Agency. Annual Report. Riyadh, 2010. P. 63.

В многостраничном документе, одобренном и утвержденном королем, престарелым Салманом ибн Абдель Азизом, но подготовленном его сыном эмиром Мухаммедом, ставшим в июне 2017 года не только наследником престола, но и фактическим правителем страны, содержится программа развития королевства, с точки зрения внуков великого реформатора короля Фейсала. Эти поколения живут в условиях намного более открытого общества, в стране они имеют большие возможности для саморазвития и разного рода деятельности. Реальностью в Саудовской Аравии стали не только материальные достижения научно-технической и технологической революции, но и действующая система представительной власти (Консультативный совет) и выборная местная власть, а также существенное расширение прав женщин.

В своем заявлении по поводу программы эмир Мухаммед назвал ключевым фактором успеха «арабское и мусульманское культурное наследие», уточнив, что королевство обладает «богатством более ценным, чем нефть» — это статус «Земли Двух Святынь, самое святое место на планете, где расположена Кааба, к которой одновременно обращаются более миллиарда мусульман во время молитвы». И лишь после этого эмир назвал «огромные инвестиционные возможности и стратегическое географическое положение», «природные ресурсы» и «потенциал молодого поколения»¹.

Во введении названо первое направление развития — «формирование динамичного общества... члены которого живут в соответствии с принципами ислама умеренного толка, гордятся своей национальной принадлежностью и древним культурным наследием»². В качестве второго направления названа «процветающая экономика» частного сектора и третьего — «развитие государственного сектора» благодаря «эффективному и инициативному правительству»³. Понятна

почетная роль, предлагаемая авторами программы саудовской буржуазии, обладающей образованием, деловым опытом и капиталами, равно как и подтверждение стержневой роли государства и государственного сектора, служащего материальной базой существования 7-тысячной королевской семьи.

Понятно, что существующая власть с помощью этой декларации решает и текущие задачи социальной и политической стабилизации, а сам эмир Мухаммед стремится к упрочению своей социальной поддержки в обществе. Казалось бы, эмир Мухаммед повторяет идеи короля Фейсала — прагматика в материальной сфере и идеалиста-мусульманина в сфере духовной, религии, культуры и истории. Но бросается в глаза смена приоритетов. Весьма показательно, что нематериальные факторы и цели поставлены в этой программной декларации на первое место.

Фейсал должен был накормить и избавить от нищеты отсталое общество, обладавшее скромными потребностями и не имевшее политических целей. Его племянник имеет дело с современным, хорошо образованным и весьма обеспеченным обществом, обладающим политическими амбициями. Неизменным остается консенсус по статусу ислама как духовной и социальной скрепы саудовского общества, хотя власть и предлагает прагматичный компромисс существующим течениям исламских фундаменталистов и либералов. Таким образом, в программе и реализующей ее политике эмира Мухаммеда очевидно стремление к установлению нового баланса сил и интересов в саудовском обществе.

Вопрос в том, смогут ли эмир Мухаммед и поддерживающие его силы внутри элиты королевства сохранить заявленные в «Видении-2030» ценностные ориентации развития, которые обеспечили бы социальную поддержку преобразованиям и в то же время сохранили бы социальный баланс в обществе.

¹ Видение Королевства Саудовская Аравия 2030. [Б. м.]. С. 3–4.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 11.